



Мария СУББОТИНА

Эту историю рассказала Валентина Дмитриевна Матрцова из Саранула. Пионеркой в военное время она ходила в эвакуогоспиталь, под который была занята школа № 1 им. Горького (сейчас это школа № 15), выступала в художественной самодеятельности. И как-то на концерте раненый боец сказал школьникам: «Я вас благодарю за внимательное к нам отношение и сейчас прочитаю свое стихотворение».

Девчушка запомнила строку этого стихотворения: «Дорога моя столица, золотая моя Москва». Ее невозможно не запомнить. Став взрослым человеком, услышала про «дорогу мою столицу, золотую мою Москву» в песне. Неужели в том саранульском госпитале № 1735 находился раненый Марк Лисянский, позднее известный советский поэт-песенник? Что это такое было – ну, не наваждение же, в самом деле, неужели детская память подвела Валентину Дмитриевну? Нет, ей точно помнятся яркие слова.

Как это было

Под эвакуогоспитали (семь или восемь, сведения разные) в прикамском городке были выделены лучшие здания – с центральным отоплением, водопроводом, канализацией. В них поступили на работу санитарками, нянечками, прачками сотни женщин – солдаток и эвакуированных, военкоматом были мобилизованы гражданские врачи и медсестры. Одновременно в палатах и коридорах всех ЭГ нахо-

дилось до пяти тысяч раненых.

Первый эшелон, доставивший раненых, подошел к станции Саранул ночью 27 июня 1941 года, ожидался он в печальной тишине. Из вагонов вышли военные. Медики осторожно начали выгружать тяжелораненых.

В первую же военную осень, в холодный день на камской пристани пришвартовалась баржа с бревнами на борту. На ее разгрузку гордздрав бросил все силы – медсестер, нянечек, раненых. Очень слабые, плохо одетые люди таскали на берег тяжелые бревна, распилывали их, развозили по госпиталиям.

Всю войну, каждую неделю, с запада шли санитарные поезда. По произвольному свистку паровозной «кукушки» к железнодорожной ветке на камской пристани сбегалась вся госпитальная рать. Крики, мат, слезы людей, измученных невыносимой дорогой в «стелячню» вагоном.

«Помню, за нашим женсоветом закрепили госпиталь, что был развернут в большом пятиэтажном Доме Советов (№ 3892.

-Прим. автора) на берегу Камы. Все мы знали графики прихода поездов и пароходов, считали для себя обязанностью помогать разгружать их. На носилках переносили раненых в помещенные. Насколько помню, нас мало тогда смущало, был это день или стояла глухая ночь, лил на улице дождь или дул, завывая, ветер... Приходили все, кто был свободен. Правда, жили еще и надежды: а вдруг среди раненых окажется кто-то из родных?» (из очерка Нины Брюсовой «В эвакуации»).

Раненых мыли, перевязывали, перепинсовывали, укладывали в чистые постели, кормили.

Персонал не уходил домой сутками. Прачки, медсестры стирали горы грязного окровавленного обмундирования, сотни километров бинтов, размачивали гипс. Руки стирались до крови. Операционная – настоящий конвейер. Хирурги засыпали от громадных концентраций хлороформа и эфира. Молоденькие сестрички при виде жутких рваных ран, отсеченных конечностей падали в обморок.

Не хватало медикаментов, костылей, особенно ощущался недостаток гипса, постельного белья. Не было антибиотиков, средств местной анестезии. Операции проводились под общим – несвершенным – наркозом.

«-О! Не трогайте меня! Дайте мне возможность лежать спокойно! Ведь все равно помошь мне вы не в силах. Дайте покойно умереть, - упрашивал сержант Полежаев врачей и сестер, как только они подходили к его койке с лечебными процедурами. Он поступил в госпиталь с тяжелым ранением обоих коленных суставов и обмороженными пальцами рук и ног. У него было омертвление тканей и развивалось общее тяжелое состояние...»

Главный хирург госпитали Анастасия Арсентьевна Зарайская ухаживала за сержантом, как мать за раненым сыном. Ласково, но настойчиво уверяла она его в возможности выздоровления.

- Поправишься же ты, только потерпи немного. Знаю, что больно, очень больно, но что же сделаешь...

И большой подавался влиянию врача, успокаивался и позволял делать с собой все, что требовалось для его выздоровления. Пять раз переливали кровь.

Затем сделали ампутацию обмороженных пальцев. Через некоторое время сержант Полежаев поправился и ушел из госпиталя...

С обширной раной 28 на 9 сантиметров на левой голени поступил в госпиталь тов. Вдовин. Сделали ему пересадку кожи. Через 38 дней рана полностью закрылась, и сейчас тов. Вдовин снова в строю. Он с благодарностью вспоминает ловкие, умелые руки главного хирурга Зарайской, позволившей ему с еще большей ненавистью уничтожать кровожадного врага...

Свыше трех тысяч операций сделала за годы войны тов. Зарайская, и все они были удачные...» (из газеты «Красное Прикамье», 1945 год, 8 марта).

Старательно, до самозабвения, трудились после хирургических операций – тяжеленных, выматывающих – молоденькие сестрички. И ухаживали, и утешали фронтовиков.

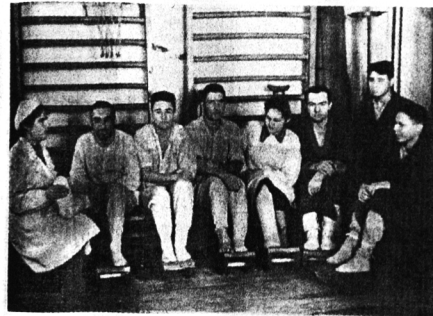
Сразу после срочных семимесячных курсов начала работать палатной медсестрой госпитали № 3892 (в Доме Советов на Красной площади) восьмиклассница Аня Андриюкова (Анна Григорьевна Кубаева, суровый, волевой главврач СЭС с 22-летним возрастом). Участок работы у Ани самый тяжелый: ранения в бедро, грудь, живот. Она плакала когда рассказывала мне о госпитальных буднях, о мучениях солдат с рваными ранами, о смертях, о своих переживаниях. Каждый из медиков госпитали (каждый стаяк – эвакуированная крупная профессура Новгорода, местные врачи) за войну слал по 10-20 литров своей крови. Раненые штили: лицом и характером они стали похожи на своих доноров

ВСЯ ГОСПИТАЛЬНАЯ РАТЬ

ВСЮ ВОЙНУ, КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ, В САРАНУЛ ШЛИ САНИТАРНЫЕ ПОЕЗДА



Погрузка раненого, 1941 г.



Лечебная физкультура в саранульском эвакуогоспитале.

Медсестры весной и летом собирали шиповник, шавель, чтобы хоть как-то витаминизировать питание раненых.

После учебы приходили школьники: убирали судна-утки из-под раненых, скручивали бинты, мыли полы, скручивали письма от родных и писали письма домой, готовили концерты.

«Мы взяли шефство над самой большой солдатской палатой – в ней была 51 койка. Собралась у комиссара госпитали капитана Бориса Челого, князянина, и расписали, кто и чем будет заниматься. Начали с того, что палату вымыли, вышили салфетки на тумбочки, собрали не одну сотню книг для госпитальной библиотеки. Не хватало мысок и тарелок – шли к людям, собирали посуду, ложки, вилки, коврики, принесли картины. понадобились пластинки – достали и их. Штопка белья вообще стала чуть ли не нашей прямой обязанностью. Но главной обязанностью считали дежурство у тяжело раненых» (из очерка Нины Брюсовой «В эвакуации»).

«Наступил 1945 год. Уже по ходу войны стало ясно, что он будет годом окончательного разгрома фашизма, первым годом мира в Европе. Но также было понятно, что до полной победы остаются сотни километров боевого пути и их придется оплачивать сотнями тысяч жизней.

Со своей дивизией я участвовал в освобождении Минска, прошел всю Белоруссию, Польшу, на сто тысяч километров углубился в Восточную Пруссию. До сих пор судьба оберегала меня от пуль. Но 5 февраля 1945 года я получил серьезное ранение в ногу, после которого уже не смог встать в строй.

После недолгого пребывания в госпитале города Истербурга (в Пруссии) меня отправили для излечения в тыл. Так я попал в незнакомый мне город Саранул. В госпитале на Красной площади скученность была жуткая, но врачи были замечательные. 27 апреля мне сделали операцию: удалили большой осколок из берцовой кости (мелкие остались в ноге навсегда).

Здесь, в госпитале, я встретил День Победы. Помню, что 9 мая 1945 года в Сарануле было солнечное, но не по-весеннему прохладное утро. За окном нашей палаты слышались необычные звуки. Это гудел буквально весь город. Всеобщий восторг охватил

людей. И хотя к вечеру погода испортилась, пошел дождь, на центральной площади состоялся праздничный фейерверк. Люди, собравшиеся там, долго не хотели расстаться. Так начиналась наша дружба, мирная жизнь. Мне же предстояло еще семь месяцев лечиться. Хотя полного восстановления не произошло и мне определили инвалидность третьей группы» (из воспоминаний ветерана Михаила Фомича Хохлова).

Утром 9 мая 1965 года

В далеком от нас 1965 году в СССР официально, на государственном уровне, впервые праздновался День Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

То утро 9 мая в Сарануле выдалось солнечным и ветреным. Представители коллективов предприятий собрались на центральной площади. Затем колонна с флагами и транспарантами двинулась на кладбище (на Старшей горе) к месту захоронения воинов, умерших от ран в госпиталях Саранула. Впереди оркестр исполнил военные марши. Все это, вспоминая очевидно, было очень торжественно, необычно, ведь все – впервые. На месте захоронения воинов прошел митинг, прозвучали оружейные залпы.

Нет достоверных данных о числе умерших от ран в эвакуогоспиталиях в 1941-1945 годах и позднее.

183 участника Великой Отечественной войны (и то лишь предположительно) похоронены в братских могилах в 1941-1947 годах, больше всего раненых скончалось в 1943 году, особенно много - 18-19-летних парней. ■